

Рокси
НОКС

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЗИМНИЕ
Каникулы
С БОССОМ

Рокси Нокс

Зимние каникулы с боссом

«Автор»

2026

Нокс Р.

Зимние каникулы с боссом / Р. Нокс — «Автор», 2026

Идеальный план под Новый год: запечь утку, открыть шампанское и провести вечер в компании мужа. Реальное положение дел: застукать козла на парковке с любовницей, сбежать ночевать в родной офис и выдавить зубную пасту на чёрную дорожную рубашку генерального директора. Батыр Ибрагимович Омаров — мужчина, на которого опасно даже смотреть. Но этой ночью у нас общий диагноз: разбитые сердца. Пассия босса сбежала перед поездкой, обвинив его в черствости. — Поехали со мной в Домбай, Марта, — сухо приказывает босс. — Не пропадать же брони. Заодно обсудим годовой баланс на 2027-й. «Баланс» это, конечно же, здорово! Вот только в заснеженном шале нас ждет одна кровать на двоих, баррикада из подушек рушится уже в первую ночь, а застрявшая над пропастью кабинка канатной дороги не оставляет шансов соблюсти субординацию

© Нокс Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Рокси Нокс

Зимние каникулы с боссом

Глава 1

Если бы мне час назад сказали, чем закончится этот чертов предпраздничный марафон, я бы не тащила на своем горбу пять килограммов мандаринов по акции, а купила бы бутылку водки и топор.

Жизнь вообще редко похожа на новогоднюю комедию, но прямо сейчас передо мной разворачивается порнографический фарс категории «строго восемнадцать плюс».

Стою на ледяном бетоне подземного паркинга нашего элитного, чтоб его, жилого комплекса. В одной руке у меня болтается тяжеленный пакет с пятью килограммами абхазских мандаринов. Другой рукой придерживаю громоздкую прогулочную коляску соседки со второго этажа.

Леночка умоляюще хлопала ресницами, успокаивая орущего младенца: «Марточка, миленькая, помоги спустить коляску в багажник, муж через десять минут подъедет!»

Конечно, Марточка всегда поможет. У Марточки же широкая кость, пышные бедра и стальные нервы буха со стажем. Почему бы не потягать тридцать килограммов чужого счастья? Своего-то пока нет...

Делаю шаг за серую бетонную колонну и замираю от шока.

Прямо передо мной наш семейный серебристый «Тигуан», за который мы только в прошлом месяце выплатили последний платеж по кредиту, урезав мой бюджет на косметолога и нормальные круассаны. Машина ритмично и довольно бодро раскачивается на амортизаторах.

Странно. Землетрясение, что ли? В Подмоскovie?

Сквозь запотевшее лобовое стекло с наклейкой «Иногда за рулем жена» в нижнем углу проступают очертания. Пассажирское сиденье откинута назад почти до упора.

Две ноги в тонких капронках телесного цвета нагло закинута прямо на пластик передней панели, почти упираясь пальцами в триплекс. Пальцы с ярко-красным педикюром судорожно скребут стекло.

А над ними методично вздымается мускулистая волосатая спина моего законного супруга Константина.

В висках стучит. Воздух в легких мгновенно превращается в толченное стекло.

Пять гребанных лет я варила ему диетические супчики, высчитывала семейный бюджет до копейки и слушала нытье о том, как тяжело подниматься по карьерной лестнице младшему менеджеру по продажам запчастей. А еще терпела его «тактичные» намеки: «Мартусь, может, тебе углеводы урезать? Вон в спортзале девочки такие подтянутые...»

Подтянутые девочки, значит!

Подхожу ближе. Коляска тихо поскрипывает колесами. На сиденье машины мелькает запрокинутое лицо любовницы, с полуоткрытым ртом и потекшей тушью.

Ба, знакомые все лица! Маруся из фитнес-клуба на первом этаже. Та самая, с кубичками на прессе и абсолютным вакуумом в черепной коробке, которая пыталась втиснуть мне годовой абонемент со скидкой «для корпулентных дам».

Костик издает победный и слегка сиплый стон самца-победителя.

И в этот момент во мне лопается последняя струна. Коляску соседки рефлексивно паркую у колонны и ставлю на тормоз – чужое имущество страдать не должно, в отличие от нервной системы моего мужа.

Размахиваюсь и со всей дури, вкладывая в бросок все свои восемьдесят шесть килограммов чистого праведного гнева, швыряю пакет прямо в лобовое стекло «Тигуана» – аккуратно в район красных пальчиков Маруси.

БАМХ!

Пакет с треском рвется. Пять килограммов сочных абхазских мандаринов взрываются оранжевым салютом, брызгая соком и раскатываясь по капоту и номерному знаку.

В салоне начинается паника. Сдавленный женский визг режет слух покруче пожарной сирены. Костик дергается, бьется затылком о потолок машины, путается в собственных спущенных до колен спортивных штанах и неуклюже валится лицом между передними креслами.

Неторопливо подхожу к водительской двери и дергаю за ручку. Заперто. Жаль.

Стучу костяшками по стеклу.

Сквозь мутную пелену испарины появляется бледное и перекошенное лицо мужа. Глаза навыкате, трупы натянуты криво, на щеке – след красной помады. Просто, фу!

– Ма-марта?.. – читаю по губам.

Стекло с тихим жужжанием опускается на пару сантиметров. В нос бьет удушливая смесь чужих сладких духов и мужского пота. Меня сейчас вырвет.

– Мартусик... ты все не так поняла... это... тренерская растяжка! – выдает на-гора Костик.

– Растяжка, да? – мой голос звучит пугающе спокойно. Настолько спокойно, что Маруся на заднем сиденье перестает натягивать свитер и вжимается в угол. – Надеюсь, простату тебе тоже по абонементу массируют?

– Марта, прекрати этот цирк! – Костик пытается включить альфа-самца, но сползающие треники предательски портят образ. – Мы просто... Новый год же! Расслабились!

– Вот и расслабляйся дальше, Костик.

Наклоняюсь ближе к щели окна и мило улыбаюсь дешевке:

– Надо же, Марусенька, а в прайсе клуба эта услуга шла как «индивидуальная программа реабилитации»? Забирай этот неликвид себе, – киваю на мужа, – дарю без чека и гарантии. С наступающим, зайка. Пусть тебе Дед Мороз новые колени подарит – эти-то давно уже стерлись от постоянного стояния в позе рака.

Разворачиваюсь на каблуках сапог и иду обратно к лифту. Меня колотит крупной и злой дрожью, руки трясутся так, что с трудом нажимаю кнопку вызова.

Слезы предательски подступают к горлу, обжигая веки, но я сжимаю зубы до скрипа. Не здесь. Не перед ними. Реветь буду потом, когда составлю смету понесенных убытков.

В квартире царит предпраздничная тишина. В духовке доходит утка с яблоками, которую я по традиции запекаю именно тридцатого декабря, пахнет корицей и уютом, от которого сейчас выворачивает наизнанку.

«Дура, какая же ты дура слепая, Марта», – пульсирует в висках.

Не хочу оставаться тут ни на минуту!

Достаю из гардеробной свой старый дорожный чемодан на колесиках. Швыряю внутрь самое необходимое: пару свитеров, любимые свободные джинсы, белье, косметичку, ноутбук, зарядки.

Напоследок иду на кухню. Взгляд падает на утку. Оставлять этому козлу и его гибкой макаронине вкусный предпраздничный ужин? Хрен вам, господа!

Достаю противень, щедро заливаю готовую утку средством для мытья посуды с ароматом лимона. Рядом на салфетке пишу маркером: «Кушать подано. Садитесь жрать, пожалуйста».

Чемодан застегивается с глухим треском. Дверь захлопывается. Всё. Пять лет брака официально аннулированы.

Уже на улице, вдыхая колючий морозный воздух тридцатого декабря, я достаю телефон. Время: восемь вечера.

Открываю приложение бронирования отелей. Палец нервно листает экран.
Все забито под завязку! Новый год же, черт бы его побрал!

К маме в Воронеж я прямо сейчас не уеду – заявиться к ней в праздник в слезах и соплях – это обеспечить ей путевку в кардиологию.

Подругам звонить? У Катки свекровь, у Светки трое детей и оливье тазиками, там я буду как бельмо на глазу со своей семейной трагедией.

Куда податься бабе с чемоданом?

Такси притормаживает у обочины.

– Куда едем, красавица? – весело спрашивает бородатый водитель, у которого на торпедке весело мигает китайская гирлянда.

Смотрю на экран телефона, потом перевожу взгляд на заснеженную улицу.

– Бизнес-центр «Плаза-Тауэр», – глухо произношу я. – Ленинградский проспект.

Там по крайней мере тепло. Там есть электронный пропуск, который у меня никто не отберет. Там на девятом этаже, в тихом закутке бухгалтерии, стоит прекрасный, почти новый велюровый диванчик оливкового цвета. А в шкафчике лежит дежурный плед и запас растворимого кофе.

И главное: там гарантированно нет ни единой живой души до девятого января. Ведь все нормальные люди уже начали пить шампанское.

Казалось бы, что может пойти не так?

Глава 2

В пустом офисном здании ночью, оказывается, жутко.

Особенно когда за окном воет метель, а гулкая тишина девятого этажа нарушается только натужным гудением огромного серверного шкафа в конце коридора.

Охранник на ресепшне даже бровью не повел, когда я ввалилась в холл с чемоданом наперевес: привык, что бухгалтерия под закрытие года способна жить на рабочих местах неделями.

Пикнул турникет, лифт плавно вознес меня наверх – и вот я здесь. В своей стеклянной крепости.

Наливаю в кружку с надписью «Шеф всегда прав, но бухгалтер умнее» крепкий черный кофе из офисной кофемашины. Прижимаюсь лбом к ледяному панорамному стеклу.

Внизу раскинулась Москва. Город горит миллионами золотых и красных огней, по Ленинградке ползут автомобили. Люди спешат домой, везут елки, упакованные подарки, докупают зеленый горошек и верят в скорое счастье.

А у меня внутри – глухая и черная пустота. Словно кто-то взял и пропустил меня через мясорубку. Ощущения именно такие. Самое глупое, что сегодня я как раз собиралась поговорить с Костей насчет ребенка. Что пора бы нам стать родителями.

Горячий кофе обжигает язык, но внутри колотит озноб. Надо поспать. Утро вечера мудренее, так, кажется, говорят? Завтра сниму хоть какую-нибудь конуру на окраине и начну делить имущество. «Тигуан» этот сраный я у него отсужу до последнего болта! Лично загоню на авторынок! Костя еще не знает, на что я способна в гневе!

Стаскиваю с себя колючий свитер и узкие джинсы, врезавшиеся в бока. Достаю из чемодана плюшевый и невероятно теплый халат цвета, сплошь усыпанный пухлыми белыми гусями. В нем я похожа на сдобную булочку, зато тепло и нигде не давит.

Перекинув через плечо полотенце и вооружившись тубиком пасты с тройным отбеливанием, чапаю в сторону санузла.

Зона руководства отделена от общего опенспейса дубовой дверью. Там, в представительском крыле, есть человеческий санузел с душевой кабиной, итальянской плиткой и зеркалом во всю стену, а не три убогие кабинки, как у нас на этаже. Сейчас всё равно никого нет, так почему бы мне не воспользоваться благами цивилизации?

Толкаю дверь. Внутри горит мягкий приглушенный свет.

Подхожу к широкой мраморной раковине, включаю теплую воду. Опираюсь руками на столешницу и смотрю на свое отражение. Зрелище, прямо скажем, для фильмов ужасов: тушь размазана под глазами темными кругами панды, щеки пылают от слез и мороза, нос красный, волосы торчат нелепым гнездом. Зато гуси на халате улыбаются во весь клюв. Жизнерадостные гады.

Вздыхаю, откручиваю крышку пасты. Смачиваю щетку. Наклоняюсь чуть ниже к зеркалу, чтобы прицельно выдавить пасту...

И в этот момент свет позади меня перекрывает широкая тень.

В тишине санузла отчетливо раздается тихий щелчок открывающейся двери кабинки туалета, а следом глухой шорох шагов по плитке.

Воздух в легких мгновенно застревает комом.

Маньяк!

Тело реагирует быстрее, чем парализованный страхом рассудок.

С хриплым визгом резко разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов, инстинктивно скидывая перед собой руку с тубиком, словно это перцовый баллончик. И в приступе паники со всей дури сжимаю кулак.

ПФ-Ф-Ф-ИТЬ!

И сине-белый заряд с ароматом «Ледяная мята» с громким свистом выстреливает из узкого горлышка тюбика.

– Твою же мать!.. – разносится под сводами мраморного санузла рокочущий бас, от которого у меня внутри вибрируют все внутренности

Замираю с вытянутой рукой и приоткрытым ртом.

Взгляд упирается в роскошную, явно пошитую по индивидуальному заказу черную рубашку из матового шелка. Она расстегнута на две верхние пуговицы, открывая смуглую ключицу и густую полосу темных волос.

И ровно посередине, прямо на выпуклой мужской груди красуется гигантская лепешка зубной пасты.

Взгляд мой ползет выше.

Широкие плечи. Идеально подстриженная темная борода с редкими нитями благородной седины. Хищный, с легкой восточной горбинкой нос. И налитый свинцовой яростью взгляд черных, как бездна, глаз из-под соболиных бровей.

Батыр. Ибрагимович. Омаров.

Генеральный директор и единственный из холдинга человек, при одном звуке шагов которого наш финансовый отдел дружно прекращал дышать и начинал судорожно выверять запятые в платежах.

– Босс... – сиплю я. – То есть... Батыр Ибрагимович... Вы не маньяк.

Омаров с убийственной грацией опускает подбородок, глядя на растущее пятно на своей груди. Затем поднимает тяжелый взгляд на меня.

– Очень рад, что вы меня идентифицировали, Марта Васильевна, – произносит он голосом, в котором отчетливо звенят металлические нотки. – А теперь объясните мне две вещи. Первое: что вы делаете ночью в моем санузле в образе сумасшедшего орнитолога? И второе: почему вы решили застрелить меня зубной пастой?

– Простите, я... я работаю! – выпаливаю с самым невозмутимым видом, на какой только способна женщина в плюшевом халате с гусями. – Конец года, Батыр Ибрагимович! Столько хвостов, столько авралов... Решила не тратить время на дорогу и переночевать прямо на рабочем месте.

Омаров даже не моргает. Он высокий, мощный, заслоняющий собой половину зеркала. А еще он жуткий бабник, говорят.

Босс берет бумажное полотенце и соскребает с ткани пасту, делая только хуже.

– Какая редкая преданность делу, Марта Васильевна, – в его низком рокочущем голосе сквозит неприкрытая ирония. – Вот только вчера в четыре часа дня вы лично занесли мне на подпись годовой сводный баланс. Без единой ошибки.

Я нервно сглатываю.

– А потом, – продолжает Батыр Ибрагимович, прижимая меня взглядом к мраморной столешнице, – стоя у кофемашины, вы громко и во всеуслышание заявили главбуху Вере Павловне, цитирую: «Всё, отмучилась! Ноги моей здесь не будет до девятого января, отключу телефон, надену пижаму и буду все выходные валяться с любимым на диване и с селедкой под шубой».

Черт бы меня побрал эту привычку делиться сокровенным на весь коридор!

– Память у вас, конечно... феноменальная, Батыр Ибрагимович, – бормочу, вжимаясь поясницей в холодный мрамор.

– Вы плакали, – констатирует он уже без тени насмешки.

Плечи мои предательски опускаются. Я тяжело выдыхаю, и вместе с этим выдохом из меня будто выкачивают весь воздух.

– Мне некуда сегодня больше пойти, Батыр Ибрагимович. Вообще некуда.

Повисает неловкая пауза.

– Вот как, – тихо произносит Омаров. – И давно наш ведущий специалист по учету остался без крыши над головой?

– Примерно с пяти вечера, – невесело усмехаюсь, чувствуя, как предательская влага снова щекочет ресницы. – Застала мужа на нашей подземной парковке. В процессе... углубленной растяжки с фитнес-тренером. Прямо в машине.

Батыр хмыкает. Звук получается неожиданно жестким, даже злым.

– Классика жанра, – роняет он, смерив меня нечитаемым взглядом. – И вы, разумеется, собрали вещи и гордо ушли в метель?

– Не в метель. Я сначала разбила лобовое стекло пятью килограммами мандаринов, потом залила праздничную утку средством для мытья посуды, а уже потом ушла. Гордо, между прочим.

Омаров пару секунд молча смотрит на меня. В уголках его губ, скрытых аккуратной темной бородкой, вдруг дергается тень искренней и почему-то чертовски обаятельной улыбки.

– Мандаринами? – переспрашивает он. – Надо же. А вы опасная женщина, Андриевская. Похоже, мне еще повезло легко отделаться.

Он отступает на шаг, освобождая проход, и кивает в сторону двери:

– Идемте.

– Куда? – пугаюсь, инстинктивно запахивая халат с гусями поплотнее.

– В мой кабинет. Там у меня там есть то, что обычно прописывают при крушении семейной жизни и нападении на генерального директора. Коньяк двадцатилетней выдержки. Возражения не принимаются, Марта Васильна. Шагом марш!

Глава 3

Батыр

Сижу в своем массивном кожаном кресле, расстегнув безнадежно испорченную рубашку еще на пару пуговиц. Напротив, на моем диване из итальянской кожи стоимостью с подержанную «Ладу», сидит Марта.

Точнее, утопает в подушках.

Ноги поджала под себя, и круглые розовые пятки выглядывают из-под подола ее плюшевого халата. Обожаю ухоженные пяточки и пышных женщин, но Марта до сегодняшнего вечера была абсолютным замужним харамом.

В обеих руках она сжимает хрустальный бокал с двадцатилетним дагестанским коньяком, как ребенок кружку с какао. Нос все еще красный, тушь размазана, гуси на ткани гогочут во все стороны. С детства не люблю гусей, вечно они за мной гонялись.

Но что мне лично нравится, что Андриевская ведет себя скромно. Никаких хлопаний наращенными опахалами, никаких томных вздохов «ах, Батырчик, защити меня, я такая хрупкая фиалка».

Хвала небесам! Потому что от фиалок у меня за сорок два года выработалась стойкая и неизлечимая аллергия.

Хотя женщин я люблю. Искренне, глубоко и со всем кавказским размахом. Красивых, ухоженных, с идеальным тюнингом и аппетитным изгибом бедер. Беда в том, что все они – от студенток до моделей с Патриков – через пару месяцев регулярных подарков и совместных ужинов начинают страдать одним и тем же неизлечимым вирусом: синдромом белого платья.

А я, простите, жениться не собираюсь. Мне свобода нужнее. Мой брак однажды уже закончился разделом имущества и тремя неделями запоя, так что второй раз добровольно сунуть шею в эту петлю меня не заставит даже угроза банкротства.

Собственно, именно поэтому я сейчас и торчу в офисе.

Снежана – моя уже бывшая пассия с ногами от коренных зубов и губами размером с два хинкали, устроила грандиозное шоу.

Я заехал в офис всего на час: забрать из сейфа загранпаспорт, второй зашифрованный телефон и подписать пару срочных платежей перед вылетом на Кавказ. Самолет на Минеральные Воды в семь утра, в Домбае забронировано шале, инструкторы оплачены, баня истоплена.

И тут является Снежана с чемоданом с известным логотипом и ультиматумом:

– Батыр! Либо мы летим в Домбай, и там в новогоднюю ночь ты делаешь мне предложение с кольцом не меньше трех карат, либо я от тебя ухожу! Я женщина для брака, а не для твоих вечных каникул!»

Молча посмотрел на нее. Потом на чемодан. Потом достал из кармана несколько пяти-тысячных, положил на стол и сказал:

– На такси до дома хватит. С наступающим, Снежок. Дверь захлопни с той стороны.

Она пищала так, что, казалось, витринные стекла на девятом этаже треснут. Обозвала меня бессердечным горным бараном, стареющим бабником и эгоистом. Развернулась на шпильках и хлопнула дверью.

Брони в Домбае невозвратные. Шале на двоих – оплачено. Праздничный банкет оплачен. А лететь не с кем. Не с водителем же Арсеном мне в джакузи сидеть под бой курантов, в самом деле! Арсен мужик душевный, но в плане романтики мы оба не оценим.

И тут судьба посылает мне Марту Васильевну с тюбиком пасты наперевес.

Надо брать?

Делаю глоток коньяка, наблюдая, как она мелкими глотками цедит янтарную жидкость. Забавная такая.

В офисе Марта Андриевская – эталонный сотрудник: строгие юбки-карандаш, пиджаки, пучок на затылке и взгляд, что называется «Не подходи – убью!». А сейчас... Сейчас передо мной просто уставшая, преданная женщина с роскошными, между прочим, формами.

Пышная грудь, мягкие плечи, копна светлых волос, растрепанных по плечам. Очень аппетитная булочка. И муж феерический, конченный идиот, трахаться с другой надо в специально отведенных для этого местах, а не на парковках у дома.

– Значит, мандаринами в лобовуху? – усмехаюсь я, нарушая затянувшуюся тишину. – Жёстко. Одобряю. Наш корпоративный кодекс тоже одобряет решительные меры в кризисных ситуациях.

Марта поднимает на меня серо-голубые глаза. В них все еще плещется боль, но коньяк уже делает свое дело: на щеках проступает живой румянец, а взгляд становится более дерзким.

– Он заслужил, Батыр Ибрагимович, – хмуро бурчит она. – Пять лет я ему калории считала и кредиты гасила. А он... «тренерская растяжка». Тьфу, козел.

– И что вы собираетесь делать дальше? – спрашиваю, откидываясь на спинку кресла. – Праздники только начались. Ночевать на диване в опенспейсе все десять дней? Охрана сдаст вас клинингу первого же числа. Они решат, что это новый корпоративный инвентарь ожил.

Она вспыхивает. Поправляет воротник халата, пытаясь прикрыть вырез, куда я, каюсь, уже пару раз бесстыдно косился.

– Не знаю, – грустно вздыхает и снова приникает губами к бокалу. – Завтра что-нибудь сниму. Хоть комнату в Бирюлево. Лишь бы к маме не ехать – у нее давление, инфаркт сразу схватит, если узнает о грядущем разводе. Костик у нее в любимчиках ходит.

Смотрю на часы на запястье. Двенадцать ночи. До вылета семь часов.

В голове щелкает идеальная и абсолютно гениальная мысль. Т

– Есть другое предложение, Марта Васильна, – говорю деловым тоном, выпрямляясь в кресле.

Она настораживается, как суслик в поле. Бокал замирает на полпути к пухленьким губам.

– Какое еще предложение, Батыр Ибрагимович?

– В семь утра у меня рейс в Минеральные Воды. Оттуда трансфер в Домбай. Снято роскошное шале с видом на горы. Камин, баня, чистейший воздух, баранина на углях и снег, которого в Москве нет и не будет.

Марта моргает. Раз. Другой.

– И... при чем тут я?

– При том, что моя спутница сделала мне шикарный новогодний подарок – самоликвидировалась три часа назад, – оскиливаюсь в улыбке. – Билет пропадает. Бронь сгорает. Домбай оплачен до шестого числа. Не по-хозяйски это, Марта Васильевна. Как главный бухгалтер, вы должны понимать: неэффективное использование активов – это преступление перед бюджетом фирмы.

Она смотрит на меня так, будто у меня на лбу выросли рога. Борщнул?

– Вы... вы предлагаете мне поехать с вами? В Домбай?!

– Именно.

– Батыр Ибрагимович, вы что, ошалели? – напрочь забыв про субординацию, выдает она. – Я ваш бухгалтер! У меня халат с гусями, лишний вес и муж, который трахает тренершу! Какое шале?!

– Кавказцу рассказывать про лишний вес не надо. У нормальной женщины должно быть за что подержаться, – невозмутимо отвечаю я. – А шале отличное, деревянное, с камином. Считайте это внеплановой служебной командировкой. У нас, между прочим, годовой аудит на носу. Заодно обсудим... финансовую стратегию холдинга на первый квартал.

– В джакузи под шашлык? – язвительно щурится Марта.

– Если потребуется для оптимизации налогообложения – то и в джакузи, – поднимаю свой бокал и салютую ей. – Ну так что, Андриевская? Скучное Бирюлево или Кавказ с лучшим боссом на свете? Решайте. У вас семь минут на сборы. Хотя чемодан, как я понимаю, уже у двери...

Глава 4

Не знаю, как боссу удалось подбить меня на совместную поездку, но вот мы уже в круглосуточном спортивном магазине покупаем лыжный костюм на мою необъятную фигуру.

Сонный консультант с бейджиком «Стажер Артем» шарахается от Батыра Ибрагимовича, как заяц от медведя. Омаров вышагивает между рядами мембранных курток с видом генерала, проводящего инспекцию.

– Этот розовый ни в коем случае не предлагать, стажер, – рубит он, безглаголиво цепляя вешалку двумя пальцами. – В нем она будет похожа на зефир фабрики «Ударница». Дайте что-нибудь приличное. Пятьдесят второй размер.

– Пятидесятый! – шиплю ему в спину, нервно одергивая свой пуховик. – Батыр Ибрагимович, у меня пятидесятый верх и пятьдесят второй низ! Не позорьте меня перед мальчиком!

– Женщина, мне лучше знать, – рывкает босс, даже не оборачиваясь. – В горах ветер. Мембрана должна сидеть свободно, а не трещать по швам на каждом повороте. Артем, тащи темно-изумрудный. И термобелье. Двойной комплект. Самое теплое, из шерсти мериноса.

Примерка превращается в цирк с конями. Втиснуться в высокотехнологичное термобелье после ночного стресса и двух бокалов коньяка – это натурально олимпийский вид спорта.

Когда наконец выползаю из примерочной в темно-изумрудном комбезе, чувствуя себя упакованной колбасой «Докторская» высшего сорта, Омаров оглядывает меня с головы до ног, прищуривается и кивает:

– Годится. Несите на кассу.

Он даже не дает мне достать карту – прикладывает свой платиновый «пластик» с таким небрежным видом, будто покупает пачку жвачки, а не экипировку по цене чугунного моста.

У меня внутри всё сжимается от бухгалтерского инстинкта: «Боже, это же представительские расходы, или мне потом из зарплаты вычтут?!»

Шереметьево встречает нас предновогодним хаосом.

В VIP-терминале пахнет парфюмом и кофе. Пока регистратор с улыбкой переоформляет билет с некой Снежаны Королевой на Марту Андриевскую (девушка за стойкой лишь на секунду вскидывает брови, оценивая контраст между именем гламурной фифы и моей круглощечкой физиономией), Батыр усаживает меня за столик.

– Завтрак сейчас будем есть, – командует он.

Завтрак в шесть утра – это тарелка с красной рыбой, круассаны и... еще по пятьдесят коньяка.

– Для акклиматизации и снятия аэрофобии, – безапелляционно заявляет мой генеральный.

– Батыр Ибрагимович, я вообще-то натошак не пью, – робко протестую.

– Поешь рыбки, и будет не натошак, – отрезает он, чокаясь со мной тяжелым бокалом. – пей, Марта.

И когда мы успели перейти на ты? Или только он?

В бизнес-классе я отключаюсь ровно в тот момент, когда шасси отрываются от взлетной полосы. Усталость, нервный срыв последних суток и дагестанский коньяк сделали свое дело.

Просыпаюсь от того, что мне удивительно тепло, а под щекой мерно вздымается что-то обтянутое кашемиром.

Распахиваю глаза – и меня прошибает холодный пот: я сплю, уткнувшись носом в плечо генерального директора, закинув руку ему на грудь, а он спокойно листает финансовый журнал на планшете, накрыв нас обоих одним шерстяным пледом авиакомпании.

Судорожно дергаюсь в сторону, чуть не выбив планшет у него из рук.

– Выспалась? – невозмутимо спрашивает Батыр Ибрагимович, даже бровью не поведя. – Слюни мне на кашемир не пустила, и на том спасибо. Пристегнись, идем на посадку.

Черт. Как неловко-то!

Минеральные Воды встречают нас сухим холодком, но настоящая сказка начинается, когда нас подхватывает огромный черный «Гелендваген» с водителем – колоритным дядькой по имени Расул, который при виде Омарова расплывается в щербатой улыбке и заключает его в медвежьи объятия.

– Батыр, дорогой мой человек! Заждались! А это твоя красавица? Вай, какая статная, какая пышная, кровь с молоком, не то что те городские вешалки! – громогласно выдает Расул, закидывая наши сумки в багажник.

Заливаюсь пунцовой краской и готова провалиться сквозь асфальт, а босс только хмыкает и хлопает водителя по плечу:

– Поехали, Расул. Не смущай мне бухгалтерию, она у меня нервная после годового отчета.

Дорога в Домбай – это чистый восторг.

Чем выше мы поднимаемся по ущелью вдоль бурной, бирюзово-ледяной реки Теберды, тем больше серая равнина уступает место настоящему зимнему чуду.

Вековые пихты и сосны стоят, словно великаны в пушистых белых папах. Снег здесь не такой, как в Москве – не каша из реагентов и грязи, а хрустальный, ослепительно-белый, искрящийся на солнце миллионами бриллиантов. Воздух такой густой и сладкий от хвои, что с непривычки кружится голова.

А потом ущелье распаивается – и передо нами открывается Домбайская поляна.

У меня буквально перехватывает дыхание. Огромные, циклопические скальные пики с острыми хребтами подпирают пронзительно-синее небо. Гора Джугутурлючат сверкает ледниками, а знаменитая Белалакая – полосатая скала – возвышается над поселком, как древняя крепость.

Сам курорт гудит и бурлит. Повсюду развешаны гирлянды, пахнет дымом березовых дров, жареным мясом, специями и горячим вином. Из кафешек доносится музыка, хохот лыжников в пестрых костюмах, мимо нас проносится детвора на ватрушках, а лоточники зазывают попробовать горячие карачаевские хычины с сыром и зеленью.

Машина сворачивает с главной улицы на уединенную лесную дорогу и останавливается у двухэтажного шале из темного бруса и дикого камня.

Дом утопает в сугробах прямо среди вековых сосен. С широкой террасы свисают золотистые огоньки гирлянд, из каменной трубы вьется сизый дымок, а на заднем дворе парит открытая деревянная купель-фурако с горячей водой.

Сказка. Настоящая новогодняя открытка, в которую меня каким-то чудом занесло прямиком из московской кухни.

Батыр выходит из машины, глубоко вдыхает разреженный воздух полной грудью, расправляя свои богатырские плечи, и поворачивается ко мне. На его щеках играет здоровый кавказский румянец, глаз горит, чуб стоит.

– Ну что, Андриевская? – усмехается он, доставая из багажника наши вещи. – Лучше, чем диван в бухгалтерии?

– Намного, – честно шепчу я, не в силах оторвать взгляд от заснеженных вершин. В груди впервые за последние сутки отпускает ледяной ком обиды на мужа.

– Тогда добро пожаловать в наше логово, – он кивает на тяжелую резную дверь шале. – Заходи, грейся. Сейчас Расул подгонит нам хычины и домашнее вино, а потом...

Он замолкает на полуслове, доставая из кармана связку ключей с массивным деревянным брелоком, на котором выжжена надпись.

Невольно кошусь на брелок и читаю:

«Шале-де-Лямур». Люкс для молодоженов».

У меня внутри мгновенно включается сигнал тревоги.

– Батыр Ибрагимович... – медленно произношу я, глядя, как он отпирает замок. – А сколько в этом уютном домике... спален?

Глава 5

Батыр Ибрагимович толкает дверь, и мы оказываемся внутри. В нос ударяет умопомрачительный коктейль из ароматов смолистой хвои, мандаринов и воска.

Первый этаж занимает просторная гостиная со вторым светом, огромным панорамным остеклением в пол и камином из дикого камня. Перед ним вальяжно раскинулся роскошный диван цвета горького шоколада и наряженная ель.

С надеждой кошусь на эту мебель:

– Батыр Ибрагимович, на первый этаж вещи заносить? Вы как шеф, наверное, займете спальню наверху, а я тут скромно, на диванчике посплю...

Омаров, не разуваясь, проходит к дивану, с размаху садится на него, пробует пружины и выдает безжалостный вердикт:

– Исключено. Диван дизайнерский, итальянский, цельный как скала. Не раскладывается в принципе. Так что идем наверх.

Надеюсь, наверху две спальни, и мы не будем друг другу мешать.

Топаю вслед за широкой спиной генерального по скрипучей деревянной лестнице.

Второй этаж встречает нас уютным полумраком, скошенными потолками из светлого кедра и... полным отсутствием межкомнатных перегородок. Это открытое лофт-пространство. А прямо по центру, на деревянном подиуме, царит ОНА.

Кровать.

На этом матрасе королевского размера при желании мог бы вольготно разместиться весь состав планово-экономического отдела нашей компании, включая приходящего сисадмина. А над изголовьем – вишенка на торте – романтично покачивается плетеный ловец снов и висят два махровых белых халата с вышитыми золотом вензелями «Он» и «Она».

– Ну вот, – невозмутимо констатирует босс, бросая свою спортивную сумку в угол. – Как я и подозревал. Праздники, все забито, шале для влюбленных. Спальня ровно одна. Придется нам, Марта Васильевна, как-то тесниться.

Я нервно икаю, оглядывая это бескрайнее снежно-белое пуховое море.

– Ну... «тесниться» на таком полигоне – это, Батыр Ибрагимович, мягко сказано, – бурчу, пытаюсь унять предательскую дрожь в коленях. – Может быть, снимем другой домик?

– Всё забито, праздники же.

– Тогда гостиницу. Хоть одноместный номер, хоть каморку подсобного рабочего. Я неприхотливая!

– Марта, на поляне даже у собак в будках сейчас бронь по двойному тарифу, – Омаров поворачивается ко мне и насмешливо щурится. – Какой номер? Тридцать первое декабря, три часа дня. Тут люди за раскладушку в коридоре готовы душу продать.

– Тогда я лягу внизу на полу! – выпаливаю, упрямо вскидывая подбородок. – На ковре. Перед камином. Там лежит отличная пушистая шкура, я видела! Свернусь калачиком, брошу плед...

– И к утру заработаешь радикулит и воспаление легких, – Батыр складывает руки на груди, смеривая меня убийственно трезвым взглядом. – Из щелей между бревен тянет, это горы, а не пятизвездочный «Рэдиссон». И что мне потом прикажешь делать? Везти скрюченного параличом бухгалтера на санках в травмпункт Нальчика?

– Зато моя девичья честь останется незапятнанной! – фыркаю я, чувствуя, как предательски алеют щеки.

Омаров откровенно смеется. Этот низкий грудной звук заполняет весь мансардный этаж.

– Честь? Марта Васильна, побойся бога. Я, конечно, кавказец, но не дикарь, с гор за невестой с мешком не спускался. С женщинами сплю исключительно по обоюдному согласию и уж точно не беру их штурмом против воли.

Крыть мне нечем: на улице мороз под пятнадцать, на полу и правда околеешь, а за дверью шале – переполненный поселок, где я со своим чемоданом никому не сдалась.

– Слушай сюда, паникерша, – босс подходит к кровати и хлопает широкой ладонью по матрасу. – Места тут дохрена. Я сплю слева, носом к окну. Ты – справа, носом к выходу. Руки не распускать!

– Это я должна была сказать! – возмущаюсь, делая шаг к кровати и упирая руки в бока. – Руки при себе держите, Батыр Ибрагимович. И если хоть один ваш волосатый палец случайно пересечет условную середину матраса – я за себя не ручаюсь. У меня с собой, между прочим, еще полтюбика пасты осталось.

Омаров нагло и абсолютно бессовестно ухмыляется в свою черную бороду:

– Значит, волосатый палец, ну спасибо!

– И еще кое-что, – не унимаюсь я, подходя к постели.

На ней разложено штук восемь декоративных подушек всех калибров – от квадратных меховых до длинного упругого валика с этническим узором.

Решительно сгребая их в охапку и начинаю выстраивать ровную стену ровно посередине простыни.

– Разделительная полоса. На всякий пожарный случай.

Батыр с нескрываемым восторгом наблюдает за моими работами, засунув руки в карманы брюк.

– Стена супернадежная, прямо Берлинская, – басит он, и в его глазах пляшут откровенно хулиганские искры. – Но нам пора, Расул, кажется, уже снизу орет, что привез горячие хычины, копченое мясо и глинтвейн. Пошли есть, а то твоя суверенная территория под свитером сейчас начнет урчать от голода на весь Домбай.

Горячие карачаевские хычины с тягучим соленым сыром и зеленью – это гастрономический оргазм. Никакой диетический супчик, которым я пять лет пичкала неблагодарного Костика, и рядом не валялся. А домашний терпкий глинтвейн с корицей, апельсиновой цедрой и каплей горного меда окончательно смыл из головы последние остатки московской тоски.

Жизнь определенно налаживалась. Ровно до тех пор, пока босс не посмотрел на часы и не заявил:

– Отлично подкрепились. Полчаса на переваривание – и на склон.

Глава 6

Втиснуться в изумрудный комбинезон после трех хычинов оказалось задачей почти невыполнимой. Мембрана на бедрах натянулась до состояния барабанной дроби, а молния на груди сошлась только со второй попытки и с тихим стоном.

Натягиваю вязаную шапку с помпоном, смотрюсь в зеркало и вздыхаю: королева фрирайда, не иначе. Эдакий перезрелый зеленый крыжовник на выгуле.

Снаряжение нам подобрали прямо у подножия канатки. И вот тут-то начинается мой персональный ад.

Стоило щелкнуть креплениям, зафиксировав мои ноги в пластиковых тисках ботинок, как две узкие скользкие деревяшки под подошвами объявляют мне войну. Они разъезжаются в разные стороны, как стрелки компаса на Северном полюсе.

Неловко взмахнув палками, пытаюсь поймать равновесие, с трудом удерживаюсь от падения и застываю в позе испуганного пингвина.

Батыр, который на своих черных широких лыжах стоит так же уверенно, как горный барс на вершине скалы, медленно оборачивается. Окидывает взглядом мои растопыренные колени и насмешливо приподнимает бровь:

– Андриевская. Ты что, ни разу в жизни не стояла на лыжах?

– Стояла! – вру, судорожно втягивая морозный воздух. – В седьмом классе, правда.

– А сказать сразу, до того, как мы поднялись на гору, религия не позволила?

– Гордость не позволила! – огрызаюсь я, чувствуя, как левая лыжа снова предательски ползет в сторону обрыва. – Вы бы начали издеваться!

– Я? Издеваться? – Батыр отталкивается палками и в три легких, скользящих движения оказывается вплотную ко мне. – Я справедливый руководитель и расшибиться тебе в лепешку о первый попавшийся подъемник не позволю. Кто мне будет закрывать первый квартал? Отдай сюда палки.

– Зачем?! Это моя единственная опора!

– Отдай, говорю. На учебном склоне они тебе только мешают. Побуду твоим персональным инструктором. Услуга платная, спишу с твоей новогодней премии.

– Ну, супер, блин.

Он забирает мои палки, втыкает их в снег у края трассы и шагает ко мне. Вплотную.

– Ноги на ширине плеч, – командует он. Его хрипловатый голос звучит прямо над моим ухом, заставляя волоски на шее встать дыбом. – Колени согни. Чуть подайся корпусом вперед. Вот так...

Он кладет свои большие и горячие ладони в кожаных перчатках прямо мне на бедра.

Меня будто током шибает. Даже сквозь плотную ткань горнолыжного костюма и слой термобелья этот жест ощущается так остро и интимно, что перехватывает дыхание.

Тепло его пальцев прожигает мембрану насквозь. Костик за пять лет брака никогда не касался меня с такой уверенной и собственнической властью.

– Не зажимайся, Марта, – рокошет Батыр. Он оказывается почти вплотную к моей спине и перекладывает руки мне на талию, прижимая меня к себе и задавая правильный наклон. Его широкая грудь касается моих лопаток. – Вес на носки. Представь, что давишь языки ботинок голеньями. Почувствуй лыжи.

Искры между нами летят такие, что, кажется, вокруг нас вот-вот начнет плавиться снег. Мой пульс улетает куда-то в стратосферу. Какая техника скольжения?! Всё, о чем я могу думать в эту секунду – это как близко его губы находятся от моей шеи и какие у него невероятно сильные и тяжелые руки.

– Поняла? – выдыхает босс мне в затылок.

– П-поняла... – сипло пищу я, надеясь, что мой пунцовый румянец сойдет за реакцию на кавказский мороз.

– А теперь закрепим материал. Вон до той вешки внизу, пологий спуск. Носки лыжводишь внутрь плугом – это тормоз. Разводишь параллельно – едешь. Пошла!

Он слегка подталкивает меня ладонями в поясницу.

Лыжи мягко скользят по укатанному белому полотну. Ветерок приятно овеивает разгоряченное лицо.

«Еду! Я еду!» – мелькает первая победная мысль.

Но уже через секунду в голове предательски всплывает другое: как горячие пальцы Омарова только что сжимали мои бедра. Как его грудь прижималась к моей спине. Как звучал его хриплый голос...

Боже мой, Марта, очнись! Это твой генеральный директор! Мужчина не твоего полета, циничный холостяк и вообще бабник! Но боже, какие у него руки...

Пока я самозабвенно предаюсь тактильным фантазиям, скорость предательски возрастает. Ветер свистит в ушах. Учебный склон внезапно уходит под уклон.

«Тормози, дура!» – запоздало взывает инстинкт самосохранения.

Пытаюсь свести носки лыж вместе, но в панике перекрещиваю их. Лыжи жалобно визжат, управление отключается напрочь. Вместо того чтобы плавно повернуть на широкую поляну, меня на полной скорости несет в сторону лесной опушки.

А прямо по курсу, раскинув пушистые лапы, стоит монументальная кавказская сосна.

– ТОРМОЗИ-И-И! – раздается сзади громовой крик Батыра.

Поздно.

– А-а-а-а! – ору на весь Домбай.

Попытка завалиться на бок с треском проваливается. Я со всего размаха с глухим стуком впечатываюсь бедром прямо в замшелый ствол сосенки.

Сверху на меня немедленно обрушивается добрая тонна снега с потревоженных веток.

Тишина.

Лежу на спине, раскинув руки, ноги с лыжами нелепо торчат в небо рогаткой, шапка набекрень, весь комбез в хвое и снегу. Перед глазами весело кружатся искристые звездочки.

Сквозь звон в ушах доносится бешеный свист кантов по насту и рваное дыхание.

– Марта! Черт тебя дерит, Андриевская! Живая?!

Через секунду надо мной возникает бледное лицо Батыра Ибрагимовича. Он падает на колени прямо в сугроб рядом со мной, срывая с рук перчатки.

Его пальцы, нервные и обжигающе горячие, судорожно касаются моих щек, стряхивают налипший снег с лица, скользят по шее, нащупывая пульс.

– Марта, посмотри на меня! Шея цела? Руки, ноги чувствуешь? Где болит?!

Смотрю в его расширенные зрачки и выдавливаю сиплый, придушенный шепот:

– Батыр Ибрагимович... хоронить меня пока еще рано. Помогите лыжи от ушей отстегнуть, да задницу от снега отодрать, и я готова к новым приключениям...

Глава 7

Батыр

Клянусь я услышал «отодрать в задницу» и уже не мог ни о чем думать, кроме этого.

А она идет, отчаянно припадая на левую ногу, цепляется варежкой за мой рукав и каждые три метра шипит от боли. Я только зубами скриплю и придерживаю ее за талию, чувствуя каждый изгиб аппетитного тела даже сквозь плотную ткань лыжного костюма.

Фантазия у меня богатая, и крутятся в голове сейчас совершенно не горнолыжные сценарии. Такую сладенькую булочку везде хотелось бы попробовать.

«Отодрать в задницу».

Черт, угомонись уже, она этого не говорила! Она сказала «отодрать задницу от снега». Но хотелось бы первое, конечно.

Вваливаемся в прихожую. Марта шумно выдыхает облачко пара и морщится, хватаясь за бедро.

– Снимай комбинезон и термоштаны, – командуя я, сдергивая перчатки и расстегивая куртку.

Она вскидывает на меня огромные голубые глазища:

– Что?! Батыр Ибрагимович, вы в своем уме? Ничего я снимать не буду!

– Марта, не начинай, – закатываю глаза, стаскивая с нее тяжелые лыжные ботинки. – Ты хромаешь на всю левую сторону. Врезалась в дерево на приличной скорости. Надо осмотреть бедро и колено, вдруг там гематома размером с тарелку или растяжение связок.

– Я сама посмотрю! В ванной! За закрытой дверью! – упрямится она, вжимаясь в стену.

– Сама себе ты шею свернешь, пытаюсь что-то разглядеть, – шагаю к ней вплотную, упираясь ладонями в стену по обе стороны от ее сочных бедер. – Слушай сюда, Андриевская. Я генеральный директор, а не маньяк из подворотни. Твои прелести меня не интересуют. Торжественно клянусь: смотреть буду только на синяк. И даже цвет трусов не запомню.

– Вот вы наглец, Омаров, – сощуривается она, и щеки ее пылают ярче новогодних гирлянд на окне.

– Раздевайся, давай. Или мне позвать Расула для консилиума? Кажется, у него где-то диплом врача завалился.

Перспектива консультации со вторым бородачом отрезвляет ее мгновенно. С тихим возмущенным пыхтением Марта расстегивает молнию изумрудного комбинезона, стаскивает его и, отвернувшись к стене, нехотя стягивает плотные термоштаны.

Когда она поворачивается боком, я невольно задерживаю дыхание.

Ну что ж... Теперь я абсолютно точно знаю, какого цвета нижнее белье предпочитает главный бухгалтер холдинга. Глубокого, сочного фиолетового оттенка. Кружавчики. И сидит они на ее пышных бедрах так, что клятва не разглядывать ее прелести трещит по швам.

Но на самом бедре, чуть ниже кружевной кромки, уже наливается багрово-синий отек размером с хороший грейпфрут.

Я тихо присвистываю:

– М-да... Тут нужна лечебная мазь, и срочно. Стой так, никуда не дергайся, я сейчас вернусь!

Бегом взлетаю наверх за походной аптечкой. В штанах всё торчком. Успокойся, Батыр. Это подчиненная. У нее развод, стресс и ушиб мягких тканей. Держи себя в руках. Но черт возьми, как это сложно, когда она такая... мягкая.

Спускаюсь вниз с тюбиком разогревающего бальзама. Марта так и стоит у стены, неловко переминаясь на здоровой ноге.

– Ложись, – голос предательски садится и звучит глуше, чем обычно.

- Это еще зачем?! – вскидывает на меня возмущенный взгляд
- Не спорь. Так надо!

Марта шумно выдыхает и укладывается на диване попой кверху. Стараясь дышать ровно, опускаюсь на одно колено. Выдавливая на ладонь щедрую порцию прозрачной мази, растираю между пальцами, чтобы согреть, и осторожно касаюсь ее горячей и нежной кожи.

Мама дорогая! Ну что за прелесть?!

Марта вздрагивает всем телом и тихо охает.

– Больно, что ли? – встречаюсь с ней глазами.

– Холодно просто сначала... – шепчет она, отворачиваясь в сторону камина.

Моя ладонь круговыми движениями скользит по ее бедру, аккуратно втирая бальзам вокруг синяка. Кожа у нее невероятно гладкая и обжигающе теплая. Контраст между моей грубой, смуглой мужской рукой и ее светлым бедром кружит голову почище горного воздуха.

А под моими пальцами мелкой дрожью отзывается каждая ее мышца. Атмосфера в шале густеет, наполняясь терпким ароматом травяной мази и бешеным напряжением.

Марта шумно втягивает воздух сквозь зубы. Перевожу взгляд с ее бедра на лицо: зрачки расширены на всю радужку, нижняя губа закушена, а на шее, прямо над ключицей, бешено бьется синяя жилка пульса. Похоже, ее колотит от этой близости ровно так же, как и меня.

Моя ладонь замирает на ее коже в паре сантиметров от фиолетового кружева.

– Ну вот... – хрипло произношу, не убирая руки. – Уже почти не синее.

– Батыр Ибрагимович... – еле слышно выдыхает она, – ваша рука.

– Что, моя рука?

– На мне.

– Ах да? Я и не заметил!

– Так же вы не заметили, что уже минуты три изучаете то, что к синяку вообще никакого отношения не имеет!

Она пытается отстраниться, дергается назад, но я мягко, однако вполне недвусмысленно сжимаю пальцы на ее теплом бедре, не давая сбежать.

– Лежи смирно, а то бальзам не впитается.

– Да он уже насквозь впитался вместе с вашей наглостью! – она нервно сглатывает. – Уберите. Ладонь. Пожалуйста. Вы нарушаете нормы приличия.

– А ты нарушаешь мое душевное равновесие, – хмыкаю я, чуть приподнимая бровь. Внутри все натягивается, как струна: близость этой женщины сбивает дыхание почище подъема на гору без кислородной маски. – Зачем, спрашивается, надевать фиолетовое кружево под горнолыжный костюм?

– Какое в чемодане сверху лежало, такое и надела! – отвечает с вызовом. – Вы обещали не разглядывать!

– Я обещал не разглядывать трусы, а что не запомню их цвет, – парирую с самым честным видом.

– Теперь ведь точно запомните. Вашим клятвам нельзя верить!

– Это ты зря. Хочешь, поклянусь, что сегодня будет веселая ночь?

– Конечно, сегодня же тридцать первое декабря.

– Вот именно, так что вставай, надевай свое самое красивое платьюшко и туфельки, мы идем на праздничный банкет в ресторан. Здесь такое превосходное меню, что ты мигом забудешь про свой синяк, а я про твои фиолетовые трусы. Кстати, это мой любимый цвет...

Глава 8

Взлетаю по деревянной лестнице на второй этаж с такой скоростью, будто за мной гонится целая выездная налоговая комиссия. Бедро после мази Батыра приятно покалывает теплом, а щеки горят.

Они горят от чего-то тягучего, запретного, от чего внутри все дрожит мелкой противной дрожью.

Запираюсь в санузле второго этажа, плюхаюсь на пуфик перед туалетным столиком и смотрю на свое отражение. Зрачки широкие, дыхание рваное.

– Так, Мартуся, стоп, – приказываю отражению строгим голосом главбуха. – Вдох-выдох. Что произошло? Обычная первая медицинская помощь при производственной травме. Начальник смазал подчиненной синяк на жопе. Всё.

Вот только почему от этой «первой помощи» меня трясло так, будто в меня вкачали триста вольт прямого тока? Почему его грубые горячие пальцы на моем бедре были куда приятнее, чем пять лет брака с Костиком?

– Потому что он – Омаров! – яростно шепчу, доставая из косметички тональный крем. – Прожженный, циничный, породистый бабник! Он флиртует с той же легкостью, с какой подписывает финансовые распоряжения. Он привык, что бабы штабелями укладываются под его хищный взгляд и кавказский акцент. Двигается? Дышит? В фиолетовых трусах? Значит, можно приударить, раз уж в Домбае больше не перед кем распускать павлиний хвост!

Растушевываю тени, подвожу стрелки.

Я для него просто удобный временный вариант, чтобы не скучать одному среди сосен. Экзотика! Бухгалтер весом за восемьдесят со своими приколами. Ни о каком серьезном интересе там и речи быть не может. У него в Москве Снежаны с ногами от коренных зубов в очереди стоят, а я... я женщина солидная, битая жизнью и предательством. Скучная ведь!

Никаких интрижек и курортных романов с собственным шефом я затевать не собираюсь. Девятого января мы вернемся в офис, и я снова буду сидеть в сером пиджаке над сводными балансами, а он – гонять топ-менеджеров на совещаниях.

С этими железобетонными установками расстегиваю чехол с платьем. Слава богу, собираясь в панике, я швырнула в чемодан свое любимое темно-синее платье из струящегося бархата с запахом. V-образный вырез подчеркивает пышную грудь, пояс вырисовывает талию, а мягкие складки струятся по бедрам, скрывая все лишнее и превращая мои «габариты» в благородные песочные часы.

Крупные серебряные серьги, капля духов на ключицы, блеск для губ – и вуаля. Красотка готова встречать Новый год с боссом!

Спускаюсь по скрипучим ступеням вниз.

Батыр уже ждет у камина. И, надо признать, выглядит он так, что у любого нормального бухгалтера пульс выбивает ошибку 404.

Темно-серый приталенный костюм идеального кроя, белоснежная рубашка расстегнута на две пуговицы у горла – без галстука, что делает его образ еще более хищным и мужественным.

Волосы гладко зачесаны назад, борода аккуратно подстрижена, на запястьях поблескивают массивные швейцарские часы. Статный, широкий в плечах красавец, от которого за версту веет дикой уверенностью в себе и большими деньгами.

Услышав стук моих каблучков, он оборачивается.

Смоляные глаза медленно скользят сверху вниз: к вырезу на бархате, потом по талии, бедрам и обратно к лицу. Взгляд такой, что у меня мгновенно пересыхает в горле. Мне срочно требуется ледяное шампанское!

Пауза затягивается на несколько секунд. Затем Батыр усмехается:

– Хороша!

– Спасибо, вы тоже отлично выглядите, – ступаю на последнюю ступеньку.

– Мужчины в ресторане шеи свернут на такую красавицу.

– Не преувеличивайте, Батыр Ибрагимович, – фыркаю, пряча за напускной язвительностью сладкую вспышку женского тщеславия. – В последний раз мужчины сворачивали шеи, когда я два часа назад летела кубарем в кавказскую сосну с криком раненого бизона. И то, подозреваю, они просто проверяли, выживет ли дерево под натиском такой коровушки.

– Не смей так о себе говорить, даже в шутку, – босс галантно подает мне руку, помогая накинуть на плечи пальто. – Пойдем, Марта. Пора показать местной элите, как выглядят настоящие московские женщины!

Ресторанный комплекс курорта сияет золотом, хрусталем и сотнями гирлянд. В воздухе витает умопомрачительный запах жареного ягненка, кавказских трав, запеченной форели и дорогого шампанского. Гремит живая музыка, официанты летают ласточками, гости в вечерних нарядах сверкают улыбками.

Нас провожают за лучший угловой столик у панорамного окна: с одной стороны – мерцающие огни новогодней площади, с другой – вид на всю шумную залу.

На столе мгновенно появляются холодные закуски: плато с домашними горными сырами, вяленая оленина, тончайший суджук, истекающие соком печеные баклажаны с грецким орехом и рубиновые зерна граната. Рот мгновенно заполняется слюной.

Батыр наполняет наши бокалы ледяным брютотом:

– За нашу спонтанную поездку!

– За дагестанский коньяк, который помог мне принять это решение, Батыр Ибрагимович, – парирую я, чокаясь тонким хрусталем.

Шоу-программа начинается с зажигательных кавказских танцев: джигиты в черкесках с папахами крутят кинжалы, взлетая в воздух с акробатической легкостью.

– Смотри-ка, – шепчет мне на ухо Батыр, наклоняясь так близко, что его щетина почти касается моей щеки. – Тот парень слева крутит сразу двумя клинками. Как думаешь, я так умею?

– Не хочется проверять, если честно, – отзываюсь я, отправляя в рот кусочек нежнейшего сыра. – Вдруг один клинок случайно полетит в мою сторону и воткнется мне в шею. Я сегодня «везучая».

Омаров откидывает голову назад и негромко хохочет:

– Боже, за что мне такое сокровище в штате? Бухи, оказывается, не лишены юмора. Какой у тебя любимый музыкальный исполнитель, Марта?

– Не поверите. Рамштайн. Под него идеально делать квартальную сводку.

Батыр изумленно вскидывает брови, отставляя бокал:

– Да ладно? Серьезно? А я под «Ду гаст» в спортзале железо таскаю уже года два.

Весь вечер превращается в сплошной словесный пинг-понг. Мы шутим, цепляем друг друга, безжалостно критикуем пафосные речи местных тамад и внезапно выясняем, что оба терпеть не можем оливки и обожаем стейки слабой прожарки с кровью.

Густой бас ведущего отсчитывает последние секунды уходящего года. Весь ресторан стоит на ушах: люди с бокалами наперевес сбились в кучу, гирлянды вспыхивают сумасшедшим золотом.

– Три! Два! Один! С Новым годом! – ревет зал.

Пробки бьют в кедровые балки потолка, во все стороны летит липкая пена, за окном с глухими утробными хлопками начинается колотить праздничная канонада – прямо в черное кавказское небо, озаряя колючие зубцы скал ядовито-зеленым и багровым.

Я подсказываю со стула вместе со всеми, ору какое-то дурацкое «Ура-а!», чокаюсь со звоном о бокал Батыра – шампанское плещется мне на пальцы.

Зажмуриваюсь на секунду и выпаливаю про себя, без всяких там «хочу шубу» или «пусть Костик подавится»: «Господи, сделай так, чтобы мне больше никогда не было так больно и мерзко, как вчера. Просто дай мне выдохнуть! Счастья хочу, хоть немножко!»

Открываю глаза.

Батыр стоит в полушаге. Пиджак расстегнут, белая рубашка контрастирует со смуглой шеей, глаза чернящие, шальные, в них пляшут отсветы салюта.

– С Новым годом, Андриевская!

Бросает свой бокал куда-то на стол (кажется, прямо в тарелку с олениной), сгребает меня за талию так, что из легких с присвистом вылетает весь воздух, и дергает на себя.

А в следующую секунду мир просто переворачивается вверх дном.

Его рот накрывает мой жадно и горячо, по-хозяйски. Жесткая щетина царапает мне подбородок, от него пахнет терпким брютом, морозной хвоей и дорогим табаком.

У меня переключиваются все датчики.

Вместо того чтобы оттолкнуть босса, судорожно вцепляюсь пальцами в его воротник, комкая ткань дорожной рубашки, встаю на цыпочки в своих чертовых туфлях и отвечаю. Сама! С прикусыванием губы и с позорным стоном оголодавшей по ласке тетки.

Вокруг шумят люди, звенят вилки, хлопают петарды, а у меня в голове – вакуум и чистый адреналин, шипающий в кровь.

Батыр отрывается от моих губ медленно. Не отстраняется, а просто чуть отодвигает лицо, тяжело, шумно дыша мне в висок. Руку с моей талии не убирает, держит намертво, и я отчетливо чувствую, как под тонким шелком его жилетки колотится сердце. Как у бегового жеребца после финиша.

Секунда. Две. Три.

Музыка в ушах снова становится громкой. Рядом какая-то незнакомая блондинка в пайетках радостно орет мне в ухо: «Счастья вам, ребята!», щедро посыпая нас конфетти.

Я моргаю. До меня начинает доходить весь масштаб катастрофы.

Я. Только что. Засосала. Своего. Генерального.

Отшатываюсь назад, чуть не теряя равновесие на каблуках. Лицо полыхает так, что к щекам можно прикладывать сырое мясо – прожарится до медиума за секунду.

Поправляю вырез платья дрожащими руками, судорожно облизываю саднящие губы и рассеянно отмечаю, что моя помада теперь размазана по его бороде.

– Батыр Ибрагимович... – шиплю, глядя в пол, потому что посмотреть ему в глаза сейчас равносильно прыжку со скалы. – Это... это вы зря. Это шампанское. И... и куранты дурацкие. Стадный инстинкт, знаете ли... у людей на Новый год критическое мышление отключается...

Он медленно проводит тыльной стороной ладони по губам, стирая след помады, смотрит на свои пальцы, потом на меня:

– Давно у тебя, Марта, такой инстинкт не срабатывал, судя по хватке. Чуть пуговицу мне с мясом не выдрала.

– Прошу вас, замолчите! – шиплю в панике, озираясь по сторонам. – Ради бога, тише!

– Не замолчу, – он вдруг наклоняется к моему уху так, что его горячее дыхание обжигает кожу, и шепчет низко, с вибрирующей хрипотцой: – Душно тут, Андриевская. Воняет оливье и чужим парфюмом. Валить отсюда надо. Прямо сейчас.

– Куда? – вздрагиваю я.

– В берлогу, – Батыр безапелляционно перехватывает мою ладонь, сжимая ее крепко. – На террасе купель растоплена. На улице минус десять, в бочке – плюс сорок, кедр распаренный и ни одной живой души вокруг. Пошли. Будем смывать твой «стадный инстинкт».

– В... в купель? – пытаюсь сопротивляться, но он уже уверенно тащит меня сквозь ликующую толпу к гардеробу. – Батыр, у меня даже купальника с собой нет!

Он оборачивается на ходу, одаривая меня таким взглядом из-под соболиных бровей, что у меня сладко и жутко обрывается желудок:

– Переживем как-нибудь эту трагедию, Мартусь. Темно на улице. Звезды не выдадут. Шевели шпильками, пока нам тут штрафной бокал не налили!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.